

БОРИС
СЛУЦКИЙ

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА

БОРИС
СЛУЦКИЙ

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА

КНИГА
СТИХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1963

Новая книга Бориса Слуцкого «Сегодня и вчера» — третья книга поэта. Она почти полностью посвящена современности и открывается циклом стихов-раздумий о наших днях. В разделе «Общежитие» — стихи о мыслях и чувствах, которые приносят советские люди в новые дома; стихи о людях науки, поэтические размышления о ее путях. В разделе «Лирики» — стихи-портреты Асеева, Луначарского, Мартынова, стихи о поэзии. Закрывают книгу стихи о юности поэта и годах войны; часть стихов этого раздела печаталась в прежних книгах.

Новая книга говорит о возросшем мастерстве Бориса Слуцкого, отражает жанровые поиски интересного советского поэта.

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК

То не станция Бологое —
Полпути от Москвы к Ленинграду, —
У людей положенье другое —
Полпути от пустыни к саду.

Полдороги от тесного мира,
Что зовется атом и клетка,
До бескрайного мира, где сиро,
Безвоздушно, мглисто и редко.

Человек — такой перекресток,
То простое и непростое,
Где пароль, рожденный на звездах,
Отзовется немедля в протоне.

Очень слабый. Сильнее сильных.
Очень малый. Очень великий.
Нет, недаром в глазах его синих
Отразились звездные лики.

ПШЕНИЦА СУШИТСЯ НА ШОССЕ

Пшеница сушится на шоссе!
Она пришла как большая вода.
Она как большая война наступила.
Она как большая орда обступила,
Обстала деревни и города.
Счастье неотложное, как беда.
Пшеница сушится на шоссе!

Ее для амбаров слишком много.
Для зерносушилок слишком много.
Так сыпь ее,

вали на дорогу,
На прокаленную солнцем дорогу.
Она нужна для всеобщей сытости
И не должна погибать от сырости.

И вот через шоссе Симферопольское
Нету ни проезда, ни пропуска
Ни для начальства,
Ни для посольства,
Ни для обычных такси.
Покуда не высохнет пшеница под солнцем,

Не пустят — хоть не проси!
Пшеница сушится на шоссе!

Двадцать километров зерном завалены.
За поворотом река зерна.

А на повороте
от солнца разваренный

Генерал.

Чтоб не видели, как сохнет она.

Крут и прям генеральский норов —

Все машины шлет в объезд.

Без объяснений, без разговоров —

Подальше

от крытых пшеницею мест.

Я зерна на шоссе не видал.

Мне рассказали другие поэты:

Мол, вот пшеница, вот генерал.

Да вот неудобно писать про это.

Мне удобно про это писать,

Потому что пшеницу нужно спасать.

Когда привалит в грядущем году

Счастье, которое я жду, —

Пшеница, похожая на вторжение,

Похожее на половодье зерно, —

Оно должно быть помещено.

Стройте заранее помещения!

СЛАВА

Газета пришла — про соседа:
Портрет и просторный «подвал».
Недаром он думал про это,
Надежды нам всем подавал.

И вот в непросторном подвале,
В котором прописан сосед,
Где только сейчас пировали,
Сереет холодный рассвет.

На чайном пластмассовом блюде
Плашмя прилегла колбаса.
За окнами льются и льются
Невидимые небеса.

Мы снова газету читаем,
В глаза мы друг другу глядим,
И пользу народа считаем,
И льгот для себя не хотим.

Недаром на солнце он высох,
Сосед мой.

Недаром старел.

Он искру горячую высек,
Людей осветил, обогрел.

А слава — совсем не заплата
На рубище ветхом глупца
И даже не наша зарплата,
Заплаченная до конца.

А слава совсем не спесива.
Она не горда, а добра,
Как это людское спасибо,
Гремевшее здесь до утра.

* * *

Черноватых или белобрысых,
Даже рыжих, даже лысых,
Все равно — люблю людей.
Ни музеи, ни пейзажи,
Ни библиотеки даже
Не сменяю на людей.
Лучше всех растений и животных,
Лучше всех идей бесплотных,
Глубже шахт, быстрее, чем реки,
Люди, человеки.
Каждая толпа — толпа чудес,
Молодых, очкастых, языкатых.
Каждый, кто туда ни влез,
Чувствует себя, как в книге сказок.

ЧЕЛОВЕК С КНИГОЙ

Человек с книгой. Вообще человек
С любую книгой, в любом трамвае,
В душных залах библиотек
И, даже пальцем листы разрывая,
Это почти всегда к добру:
Плохие книги встречаются редко.
Словно проба идет к серебру,
Идет к человеку книгой метка.
Моя надежда — читатели книг,
Хочется высказаться о них.
Они меня больше радуют,
Чем, например, вниматели радио.
Книгу почти всегда дочитают,
Даже библиотечную, не только свою.
Книгу берегут и переплетают,
Передают из семьи в семью.
Радио — на миг. Газета — на день.
Книга — на всю жизнь.
Книга — ключ. Он открыт и найден.
Крепче держись!
С детства помню роман
О рабочем, читавшем Ленина.

Всего подряд — по томам
Собрание сочинений.

Этот чудака не так уж прост.
Этот простака не так уж глуп —
К Ленину подравнивавшийся в рост,
Ходивший в книги его, как в клуб.
Душа болит, когда книги жгут
Ради политики или барыша.
Зато когда их берегут —
Радуетя душа.

ПРЕИМУЩЕСТВА СТАРОСТИ

Двадцатилетним можно говорить:
«Зайдите через год!» Сорокалетним
Простительно поверить сплетням
И кашу без причины заварить.
А старики не могут ошибаться
И ждать или блуждать.
Они не могут молча наблюдать
И падать или ушибаться.
Нет, слишком кость ломка у старика,
Чтоб ушибаться.
Слишком мало
Осталось дней,
И чересчур близка
Черта,
Которую не переходят.
Поэтому так часто к ним приходит
И высота и светлота.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Знаете, что делали в Афинах
С теми,
кто в часы гражданских свар
Прятался в амбарах и овинах,
Не голосовал, не воевал?

Высылали этих воздержавшихся,
За сердца
болезненно державшихся,
Говоривших: «мы больны»,
Тотчас высылали из страны.

И в двадцатом веке обывателю
Отойти в сторонку не дают.
Атомов
мельчайших
разбиватели
Мелкоту людскую
разобьют.

Как бы ни хватались вы за сердце,
Как ни отводили бы глаза,
По домам не выйдет отсидеться,
Воздержаться будет вам нельзя.

* * *

Надо думать, а не улыбаться,
Надо книжки трудные читать,
Надо проверять — и ушибаться,
Мнения не слишком почитать.

Мелкие пожизненные хлопоты
По добыче славы и денег
К жизненному опыту
Не принадлежат.

По тетрадке все прочитали,
Посмотрели они по книге.

Аспиранты или студенты,
Негры знали все по науке.
Понимали, что слабо одеты,
И совали треух на ухо.

Когда негры жили за морем —
То ли в Того, то ли в Гане,
Негров очень пугали зимою,
Очень их морозом пугали.

Но теперь они понимают:
Это были враки и трюки!
И спокойно с полки снимают
Капелюхи или треухи.

* * *

Как лица удивительны
И как необычайны,
Когда они увидены
И — зоркими очами!

Какие лица — добрые,
Какие плечи — сильные,
Какие взгляды — бодрые,
Какие очи — синие.

Убавилось покорности,
Разверзлись уста,
И в город, словно конница,
Ворвалась красота.

ГАЗЕТЫ

Сколько помню себя, на рассвете,
Только встану, прежде всего
Я искал в ежедневной газете
Ежедневные *как* и *чего*.

Если б номер газетный не прибыл,
Если б говор газетный иссяк,
Я, наверно, немел бы, как рыба,
Не узнав, не прочтя *что* и *как*.

Я болезненным рос и неловким,
Я питался в дешевой столовке,
Где в тринадцати видах пшено
Было в пищу студентам дано.

Но какое мне было дело,
Чем нас кормят в конце концов,
Если будущее глядело
На меня с газетных столбцов?

Под развернутым красным знаменем
Вышли мы на дорогу свою,
И суровое наше сознание
Диктовало пути бытию.

* * *

Я люблю стариков, начинающих снова
В шестьдесят или в семьдесят — семьдесят пять,
Позабывших зарок, нарушающих слово,
Начинающих снова опять и опять.

Не зеленым, а серо-седым, посрамленным,
На колени поставленным, сшибленным с ног,
Закаленным тоской и бедой укрепленным
Я б охотней всего пособил и помог.

Там, из каждой подворотни высунувшись,
По четыре на пейзаж художника
То ли море, то ли скалы

вписывают,

Всаживают

в клеточку картончика.

Кто тут был, вернется обязательно,
Прошeный придет и непрошeный,
В этот город,
Словно круг спасательный,
Возле моря
На скалу
Положенный.

* * *

Куда стекает время,
Все то, что истекло?
Куда оно уходит —
И первое число,
И пятое, десятое,
И, наконец, тридцатое,
Последнее число?

Наверно, есть цистерны,
А может быть, моря,
И числа там, наверно,
Бросают якоря.
Их много, как в задачнике,
Там плещутся, как дачники,
Пятерки, и шестерки,
И тощие семерки,
И толстые восьмерки,
И двойки, и нули —
Все, что давно прошли.

* * *

Деление на виды и на роды,
Пригодное для зверя и для птицы,
Застынь у человека на пороге!
Для человека это не годится.

Метрической системою владея,
Удобно шею или брюхо мерить.
Душевым меркам невозможно верить:
Портновская идея!

Сердечной боли не изложат цифры,
И в целом мире нет такого шифра,
Чтоб обозначить горе или счастье.

Сначала, со мгновения зачатья,
Не формулируем, не выражаем,
Не загоняем ни в какие клетки,
На доли не делим, не разлагаем,
Помеченный всегда особой меткой,
Человек.

* * *

Полоса оконного стекла
Медленно светлеет.
Ночь, наверно, истекла,
Не горит, а тлеет:
В небе — одинокою звездой,
Многажды воспетой,
А в окне против меня — простой
Одинокой сигаретой.

Чем светлее полоса окна,
Тем и громче.
Вслед за темнотою

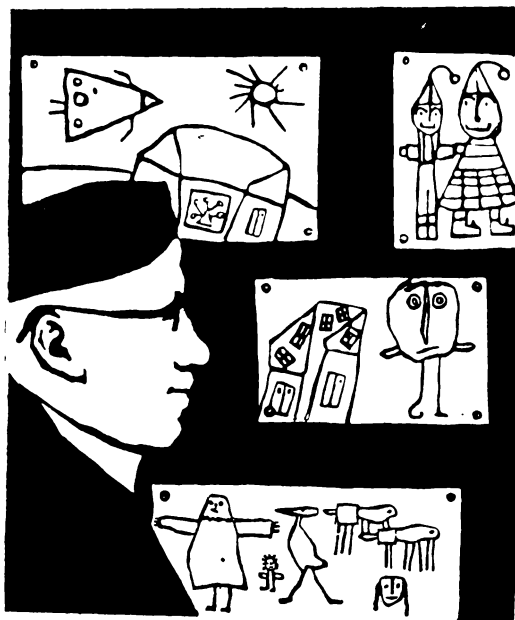
тишина

Затихает до грядущей ночи.
Сквозь нешумный, тихий шум ночной
Голос утра надо мной
Дребезжит трамвайною железкой —
Звонкий, резкий.

День газетой за дверьми шуршит,
Опоздавшим школьником бежит.

Л И Р И К И

---

* * *

Я не хочу ни капли потерять
Из новизны, меня переполняющей.
Я открываю новую тетрадь.
У белизны ее снегопылающей
Я белизну морозную займу.
Пусть первому любовному письму
Сегодня будет все равно по высренности,
А по конечной, бессердечной искренности —
Последнему любовному письму.

Да, мне нужны высокие слова:
Оплаканные, пусть потом осмеянные,
Чтобы от них кружилась голова,
Как будто горным воздухом овеванная,
Чтобы звенели медь и серебро
В заглавиях *Свобода* и *Добро*.

Заглавных букв поставлю паруса,
Чтобы рвались за ними буквы прочие,
Как рвутся демонстрации рабочие
За красным флагом — на врага, вперед!

Чтоб ветры парусину переполнили,
Чтоб пережили снова, перепомнили
Читатели,
куда их стих зовет.

* * *

Чистота стиха,
Каждого штриха,
Новые слова,
Свежие, хорошие, —
Как утро с порошею
И ясная голова.
Карандаш бы очинить,
Перо бы в чернила —
И такое сочинить,
Чтобы причинило
Счастье
                                сразу многим
Людам,
Человекам.
Только так шагать мы будем
В ногу
                                с веком.

НА ВЫСТАВКЕ ДЕТСКИХ РИСУНКОВ

Откроются двери, и сразу
Врываешься
  в град мастеров,
Врываешься в царствие глаза,
Глядящего из-под вихров.
Глаз видит
  и пишет, как видит,
А если не выйдет — порвет.
А если удастся и выйдет —
На выставку тут же пошлет.
Там все, что открыто Парижем
За сотню последних годов,
Известно белесым и рыжим
Ребятам
  из детских садов.
Там тайная страсть к зоопарку,
К футболу
  открытая страсть,
Написаны пылко и жарко,
Проявлены
  с толком
  и всласть.

Правдиво рисуется праздник:
Столица

и спутник над ней.

И много хороших и разных
Зеленых и красных огней.

Правдиво рисуются войны:

Две бомбы

и город кривой.

А что, разве двух не довольно?

Довольно и хватит с лихвой.

Чтоб снова вот эдак чудесить,

Желания большего нет —

Меняю

на трижды по десять

Все тридцать пережитых лет.

ПУШКИНСКАЯ ПАЛКА

Та железная палка, что Пушкин носил,
Чтобы прибыло сил;
Та пудовая трость,
Чтобы — если пришлось —
Хоть ударь,
Хоть толкни,
Хоть отбрось!
Где она
И в который попала музей?
Крепко ль замкнута та кладовая?
Я хотел бы ту трость разломать для друзей,
Хоть по грамму ее раздавая.

У хороших писателей метод простой:
Повоюй, как Толстой.
Походи по Руси, словно Горький, пешком,
С посошком
И заплечным мешком.

Если есть в тебе дар, так стреляй, как Гайдар,
И, как Байрон, плыви по волнам.
Вот кому не завидовать следует нам,
Просто следовать следует нам.

ПОЭТЫ «ПРАВДЫ» И «ЗВЕЗДЫ»

Поэты «Правды» и «Звезды»,
Подпольной музы адъютанты!
На пьедесталы возвести
Хочу
забытые таланты.

Целы хранимые в пыли,
В седом архивном прахе
крылья.

Вы первые произнесли,
Не повторили, а открыли
Слова: *Народ, Свобода, Новь,*
А также *Кровь*
И в том же роде.
Слова те били в глаз и в бровь
И были вправду о народе.
И новь не старую была,
А новой новью
и — победной.
И кровь действительно текла
От рифмы тощей
К рифме бедной.

ПАМЯТИ ЛУНАЧАРСКОГО

Памяти Луначарского
Надо стихи написать.
Он в голодное время
Вздумал балет спасать.

Без продовольствия бросовые
В хоре пойдут голоса.
Лошади — даже бронзовые —
Не проживут без овса.

Это знал Луначарский.
Склады он перерыл,
Чтобы басам — на чарку,
Хлеба — для балерин.

Холодно было, голодно —
И не нужны для людей
Тихие песни горлинок,
Плавные па лебедей.

Нужно? Нет, не нужно.
Следовательно — нельзя.

И с Луначарским дружно
Не согласились друзья.

Но Луначарский занял
Под личный авторитет
Топливо, хлеб и залы
И сохранил балет.

Бедной, сырой, недужной
Он доказал Москве:
Нужен балет ненужный
Сердцу и голове.

Вежливый и отважный,
Он говорил друзьям:
— Важен этот неважный
Мне. Еще больше — вам.

Если балету чествовать —
Знает начать с кого.
Спляшем же и станцуем
В честь Луначарского.

О В. И. СУРИКОВЕ

— Хочу служить народу,
Человеку, а не рублю,
А если — на хлеб и воду, —
Я хлеб люблю
И воду люблю.
Так говорил Василий
Суриков, мой педагог,
Выбравший без усилий
Вернейшую из дорог.

Как мне ни будет тяжело,
Мне поможет везде
Любовь к хлебу. К черняшке.
Любовь к чистой воде.

ХУДОЖНИК

Художник пишет с меня портрет,
А я пишу портрет с художника,
С его гримас, с его примет,
С его зеленого макинтошика.

Он думает, что все прознал,
И психологию и душу,
Покуда кистью холст пронзал,
Но я мечты его нарушу.

Ведь он не знает даже то
Немного, что я продумаю
О нем и про его пальто —
Щеголеватое, продутое.

Пиши, проворная рука,
Додумывайся, кисть, догадывайся,
Ширяй, как сокол в облака,
И в бездну гулким камнем скатывайся.

Я — человек. Я не ковер.
Я думаю, а не красуюсь.
Не те ты линии провел.
Куда труднее я рисуюсь.

Широко известен в узких кругах,
Как модерн старомоден,
Крепко держит в слабых руках
Тайны всех своих тягомотин.
Вот идет он, маленький, словно великое
Герцогство Люксембург.
И какая-то скрипочка в нем пиликает,
Хотя в глазах запрятан испуг.
Смотрит на меня. Жалеет меня.
Улыбочка на губах корчится.
И прикуривать даже не хочется
От его негреющего огня.

* * *

Маска Бетховена на ваших стенах.
Тот, лицевых костей, хорал.
А вы что, игравали в сценах,
В которых музыкант играл?

Маска Бетховена и бюст Вольтера —
Две непохожих
на вас головы.
И переполнена вся квартира,
Так что в ней делаете вы?

СКУЛЬПТОР

На мужика похожий и на бога
(А больше все-таки на мужика),
Сгибается над глиною убогой.
Работает.

Работа нелегка.

К его труду не подберешь сравненья.
На пахоту и миротворенье,
А более на пахоту похож.

Да, лемеха напоминает нож,
По рукоять ушедший в сердце глины
(Убогая, а все-таки земля!).
И надобно над ней горбатить спину,
Ножом ее и плугом шевеля,
Покуда красотою или хлебом
Она не встанет,
гордая,
под небом.

Н. Н. АСЕЕВ ЗА РАБОТОЙ

(Очерк)

Асеев пишет совсем неплохие,
Довольно значительные статьи.
А в общем статьи — не его стихия.
Его стихия — это стихи.

С утра его мучат сто болезней.
Лекарства — что?

Они — пустяки!

Асеев думает: что полезней?
И вдруг решает: полезней — стихи.
И он взлетает, старый ястреб,
И боли его не томят, не злят,
И взгляд становится тихим, ясным,
Жестоким, точным — снайперский взгляд.
И словно весною — щепка на щепку —
Рифма лезет на рифму цепко.
И вдруг серебрет его пожелтелая
Семидесятилетняя седина,
И кружка поэзии, полная, целая,
Сразу выхлестывается — до дна.

* * *

Умирают мои старики —
Мои боги, мои педагоги,
Прологатели горной дороги,
Где шаги мои были легки.
Вы, прикрывшие грудью наш возраст
От ошибок, угроз и прикрас,
Неужели дешевая хворость
Одолела, осилила вас?

Умирают мои старики,
Завещают мне жить очень долго,
Но не дольше, чем нужно по долгу,
По закону строфы и строки.

Я перевел стихи про Ильича.
Поэт писал в Тавризе за решеткой.
А после — сдуру или сгоряча —
Судья вписал их в приговор короткий. .
Я словно тряпку вынул изо рта —
Тюремный кляп, до самой глотки вбитый.
И медленно приподнялся убитый,
И вдруг заговорила немота.

Как будто губы я ему отер,
И дал воды, и на ноги поставил:
Он выбился — просветом из-под ставен,
Пробился, как из-под золы костер.

Горит, живет.
Как будто, нем и бледен, не падал он.
И я — не поднимал.
А я сначала только слово

Ленин

Во всем восточном тексте

понимал.

НАЗЫМ

Словно в детстве — веселый,
Словно в юности — добрый.
Словно тачку на каторге и не толкал.
Жизнь танцует пред ним молодой Айседорой.
Босоногой плясуньей Айседорой Дункан.

Я не мало шатался по белому свету,
Но о турках сужу по Назыму Хикмету.
Я других не видал, ни единой души,
Но, по-моему, турки — они хороши!
Высоки они, голубоглазы и русы,
И в искусстве у них подходящие вкусы,
Ильича

на студенческих партах

прочли,

А в стихе

маяковские ритмы учли.

Только так и судите народ —

по поэту.

Только так и учите язык —

по стихам.

Пожелаем здоровья Назыму Хикмету,
Чтобы голос его никогда не стихал.

* * *

Изобретаю аппараты —
С утра привинчиваю части
Из наилучшей чистой правды
И части из большого счастья.

Взлетают к людям дирижабли.
Они с дороги не собьются.
Мои опаски и дрожанья
Моторам не передаются.

Мое сомненье и тревога
Не перекинется к другому.
Когда стихи уйдут в дорогу,
Они меня забудут дома.

И шепчет немногие ему известные
Мексиканские слова.

Тонко, но крепко, как ниткой суровой,
Он связан с этой зимой суровой,
С тучей, что на Поволжье плывет,
Со всем, что на этой земле живет.

Снова стол бумагами завален.
Разгребу, расчищу уголок,
Между несгораемых развалин
Поищу горячий уголек.

Вдохновений ложные начала,
Вороха сомнительных программ —
Чем меня минута накачала —
На поверку вечности отдам.

А в тупую неподвижность вечности,
В ту, что не содвинут, не согнут,
Посмотрю сквозь призму быстротечности
Шустрыми глазищами минут.

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

(Воспоминания)

У Малого театра, прозрачна как тара,
Себя подставляя под струи Москвы,
Ксюша меня увидала и стала:
— Боря! Здравствуйте! Это вы?
А я-то думала, тебя убили.
А ты живой. А ты майор.
Какие вы все хорошие были.
А я вас помню всех до сих пор.

Я только вернулся после выигранной,
После великой второй мировой
И к жизни, как листик, из книги выданный,
Липнул.

И был — майор.

И — живой.

Я был майор и пачку тридцаток
Истратить ради встречи готов,
Ради прожитых рядом тридцатых
Тоших студенческих наших годов.
— Но я обедала, — сказала Ксения. —

РУССКИЙ ЯЗЫК

Толстовско-тургеневский, орловско-курский —
Самый точный.
И волжский говор — самый вкусный.
И русско-восточный
Цветистый говор там, за Казанью,
И южный говор —
Казачьи песни и сказанья,
Их грусть и гонор.
Древлехранительница Новгородчина —
Там песню слышишь.
И Вологодчина, где наворочены
Стога пословиц.
Я как ведро, куда навалом
Язык навален,
Где в тесноте, но без обиды
Слова набиты.
Как граждане перед законом,
Жаргон с жаргоном
Во мне равны, а все акценты
Хотят оценки.

* * *

Хорошо, когда хулят и хвалят,
Превозносят или наземь валят,
Хорошо стыдиться и гордиться
И на что-нибудь годиться.
Не хочу быть вычеркнутым словом
В телеграмме — без него дойдет! —
А хочу быть вытянутым ломом,
В будущее продолбавшим ход.

* * *

Поэтический язык — не лютеранская обедня,
Где чисто, холодно, светло и — ни свечей,
Где лгут про ад, молчат про рай и угрожает
Где нету музыки в словах, а в слове — нету
ни образѳв,
проповедник,
образѳв.

Поэтический язык — солдатский митинг перед
Нет времени для болтовни, а слово — говори
Любое,
Лишь бы хватало за сердца, лишь бы дошло,
Лишь бы победе помогло.
лишь бы прожгло,

ИСХОДНЫЕ ПУНКТЫ

Я исходил из хлеба и воды,
И неба (сверху), и суглинка (рядом),
И тех людей, чьи тяжкие труды
Суглинок

полям сделали и садом.

Из них я первым делом исходил
И с ними пол-Европы исходил.

Солдаты не умеют скрыть презрения
К бездельнику, фразёру и вралю.
Я перешел на эту точку зрения
И длинных рассуждений не люблю.
Я плохо верю в громкие слова —
У громких слов семь пятниц на неделе —
И знаю: дважды два — не дважды два,
Покуда на бумаге, не на деле.

* * *

Поэт не телефонный,
А телеграфный провод.
Событие — вот законный
Для телеграммы повод.

Восстания и войны,
Рождения и гибели
Единственно достойны,
Чтоб их морзянкой выбили.

А вот для поздравления
Мне телеграфа жаль
И жаль стихотворения
На мелкую печаль.

Мне жаль истратить строки
И лень отдать в печать,
Чтоб малые пороки
Толково обличать.

ПРАВИЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИЯМ

Правдивые пропорции, которым
Обязаны и Новгород и Форум
Хотя бы тем, что столько лет подряд
Стоят;

И красок нетускнеющие смеси,
Блещающие безо всякой спеси,
Как синька, что на небеса пошла
И до сих пор светла;

Народа самодельные законы —
Пословицы, где воля и препоны,
А также разум, радость и тоска,
А глянь — одна строка;

И лозунги, венчающие опыт
Трех лет войны, и недовольства ропот,
И очереди, на морозе — дрожь,
Словцом «Даешь!» —

Нет, есть чему учиться под Луною,
Чтоб старину не спутать с новизною,

И есть зачем стремиться на Луну,
Чтоб со старинкой
не спутать старину.

Нет, горе гордым,
слава неспесивым,
Которые и слышат и глядят
И каждый день сердечное спасибо,
«Спасибо за науку!»
говорят.

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД

Я вывернул события мешок
И до пылинки вытряс на бумагу.
И, словно фокусник, подобно магу,
Загнал его на беленький вершок.
Вся кровь, что океанами текла,
В стакан стихотворенья поместилась.
Вся мировая изморозь и стылость
Покрыла гладь оконного стекла.
Но солнце вышло из меня потом,
Чтобы расплавить мировую наледь
И путникам усталым просигналить,
Каким им ближе следовать путем.

Все это было на одном листе,
На двадцати плюс-минус десять строчек,
Поэты отличаются от прочих
Людей
        приверженностью к прямоте
И краткости.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТАМ

Отбывайте, ребята, стаж.
Добывайте, ребята, опыт.
В этом доме любой этаж
Только с бою может быть добыт.
Легче хочешь?

Нет, врешь.

Проще, думаешь?

Нет, плоше.

Если что-нибудь даром возьмешь,
Это выйдет себе дороже.

Может быть, ни одной войны
Вам, ребята, пройти не придется.
Трижды

МИР отслужить вы должны:

Как положено,
Как ведется.

Здесь, в стихах, ни лести, ни подлости
Недействительна власть.
Как на Северном полюсе:
Ни купить, ни украсть.

У народа нету времени,
Чтоб выслушивать пустяки.
В этом трудность стихотворения
И задача для вашей строки.

«БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЕМКИН»

Шел фильм.
И билетерши плакали
Над ним одним
По восемь раз,
И слезы медленные капали
Из добрых близоруких глаз.

Глазами горькими и грозными
Они смотрели на экран,
А дети стать стремились взрослыми,
Чтоб их пустили на сеанс.

Как много создано и сделано
Под музыки дешевый гром
Из смеси черного и белого
С надеждой, правдой и добром!

Свободу восславляли образы,
Сюжет кричал, как человек,
И пробуждались чувства добрые
В жестокий век,
В двадцатый век.

И милость к падшим призывалась,
И осуждался произвол.
Все вместе это называлось,
Что просто фильм такой пошел.

* * *

Похожее в прозе на ерунду
В поэзии иногда
Напомнит облачную череду,
Плывущую на города.

Похожее в прозе на анекдот,
Пройдя сквозь хорей и ямб,
Напоминает взорванный дот
В соцветье воронок и ям.

Поэзия, словно разведчик, в тиши
Просачивается сквозь прозу.
Наглядный пример: «Как хороши,
Как свежи были розы».

И проза, смиренная пахота строк,
Сбивается в елочку или в лесенку.
И ритм отбивает какой-то срок,
И строфы сползаются в песенку.

И что-то входит, слегка дыша,
И бездыханное оживает:
Не то поэзия, не то душа,
Если душа бывает.

ЧИТАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ЗА ПОЭТА

Читатель отвечает за поэта,
Конечно, ежели поэт любим,
Как спутник отвечает за планету
Движением
и всем нутром своим.

Читатель — не бессмысленный кусок
Железа,
в беспредельность пущенный.
Читатель — спутник,
И в его висок
Без отдыха стучится жилка Пушкина.

ОБЩЕЖИТИЕ

ОБЩЕЖИТИЕ

Ярко-пестрые, как полушалок,
Словно кофты цыганской кусок,
Знаменитые два полушария
Износили последний срок.

Карты мира, висящие с нэпа
На стене,
                                словно списки надежд.
Заменяются картами неба —
Синим блеском небесных одежд.

Как бывало, на карте Союза
Цепь флажков продвигалась вперед —
Поднимая все большие грузы,
Цепь ракет выступает в полет.

Дальше Запада, выше Берлина,
Дальше были и выше былины,
Дальше самого вешего сна
Вылетает по карте она.

Отрываются крайние звенья,
Начинается наступленье.
Мы по карте следим.
Не хотим
Пропустить,
                                куда мы летим.

Здесь, у карты, волнуемся, спорим,
Измеряем масштаб высоты.
Чуть попозже,
                                чем с Черным морем,
Много раньше,
                                чем с Белым морем,
Мы знакомимся
                                с Морем Мечты.

НАШИ ЛЕТЯТ!

Небо
    вроде опрокинутой чаши —
Выпьем до дна
    и ставим вверх дном.
Наши летят!
Не чужие, а наши
Дальше и выше летят с каждым днем

Помните небо сорок первого года?
Враги — повсюду.
Наши — нигде.
Любая ясная, безоблачная погода
Точно предсказывала: быть беде.

А сегодня — в воздухе и в эфире,
Всюду,
    куда ни кинешь взгляд,
Во всем бескрайном, безмерном мире
Наши летят!

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Значит, что-то не раскрыли
Мы,
    что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья —
Наши сладенькие ямбы,
И в пегасовом полете
Не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
То-то лирики в загоне.

Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
А скорее интересно
Наблюдать, как, словно пена,
Опадают наши рифмы
И величие
    степенно
Отступает в логарифмы.

* * *

Широкоплечие интеллигенты —
Производственники, фронтовики,
Резкие, словно у плотников, жесты,
Каменное пожатье руки.
Смертью смерть многократно поправшие,
Лично пахавшие столько целин,
Лично, непосредственно бравшие
Столицу Германии — город Берлин.
Тяжелорукие, но легконогие,
Книжки перечитавшие — многие,
Бревна таскавшие — без числа,
В бой на врага поднимавшие роту,
Вас ожидают большие дела!
Крепко надеюсь на вашу породу.

ЧУДЕСА

У археологов на лад идут дела,
И ни одна эпоха не дала
Астроботаникам такого взлета:
Ведь каждый день, как будто на работу,
К нам чудеса приходят ровно в семь —
С газетами. И это ясно всем.

Все словно бы на вечере гипноза
В районном клубе, где за три рубля
Заезжий маг, усами шевеля,
Прокалывает ими прозу;
Как в автомате: за пяток монет —
Билет,
    а нет —
                    колотишь в стенку нервно.

И сходит удивление на нет
От чуда, что творимо ежедневно.
Так соберем же, свинтим по детали
Восторг, что так приличен чудесам,
И двух собак, что до звезды летали,
Погладим с завистью по телесам.

ЛЮДИ И БОГИ

Облачные белые одежды
Распахнув недрогнувшей рукой,
В первый раз
  не с верой,
  а с надеждой
На небо взирает род людской.

Не глядит, не смотрит, а взирает,
Как его ракеты озаряют,
Вырывают из крошечной мглы
Неба
  захолустные углы.

И дрожат испуганные боги,
Затаив не очень крепкий дух,
Как медведи
  в старенькой берлоге,
Электрифицированной вдруг.

Человек не может жить без доводов,
Что дела — на лад, на лад идут,
Ежели чего-нибудь не вдоволь,
Будет вдоволь в будущем году.
Роста доказательства, прогресса
Аргументы

всем нужны, как воздух.

Мне не будет в жизни интереса,
Если мы не полетим на звезды.
Потому-то головенки гладим
Детские и отмечаем рост.
На дверях карандашом и взглядом
Отмечаем, сколько не дорос:
Если мальчик — до границы мужества,
Если девочка — до полной женственности,
Потому по первой лужице
Ждем весну

во всей ее торжественности.

Потому-то почки трогаем,
Лед разглядываем на реке, —
Это мы весну торопим,
Думаем: апрель невдалеке.

Хорошо, но будет лучше!
Это заявление поэта
Все вмещает: мартовские лужи
И полет в ракетах на планеты.

* * *

Города понижались от центра к окраинам.
На окраине — хижины. В центре — дворцы.
Грязь предместий воронами гулко ограяна,
В центре засланы — чище, чем скатерть, — торцы.

Это было дотоле, покуда заводы
Не взнесли над предместьями красные своды
И высокого неба достигла труба,
Утверждая бесспорное право труда.

Город был словно холм,
Город стал словно чаша.
Город стал словно бор,
Город стал словно чаша,
Где труба вырастает в тени у трубы,
Словно сосны в бору
И в дубраве дубы.

И гудки подавили церковное пенье,
Низвергая династию колоколов.
И колонны рабочих пошли в наступленье
На литые шеренги дворцовых колонн.

С «ТУ-104»

Над Антарктидой облаков,
Где горы, плоскости и пропасти,
Лишь дураки из дураков
Припомнят трепанные прописи.

Но дураки всегда не в счет,
А кто сметливее, толковее,
Глядит,
        как тень крыла сечет
Все эти страны облаковые.

Глядит,
        не тратя сил на мысль,
Не обобщая и не сравнивая,
Пока врезается, как мыс,
В него
        небесная Гренландия.

И знает, что она вошла
В его судьбу на веки вечные,
Покуда тень крыла секла
Дорогу эту бесконечную.

ОКРАИНА

Вот они, дома конструктивистов,
Заводской окраины краса.
Покажи их, Подмосковье,
Выставка
Первой пятилетки корпуса!

Выставка зданья серые и честные,
Как шинель солдатского сукна,
Где живут станочники известные —
Громкие в районе имена.

Выставка окна светлые, огромные,
Что глядят на юг и на восток.
Школы стройные, дороги ровные,
Фабрики, заводы и мосторг.

Именем режима экономии,
Простоте навечно покаясь,
Строй квартиры светлые и новые,
От старья колонн отворотясь!

Пусть стоит исполненной клятвой,
Никаких излишеств не тая,
Чистота твоя и светлота твоя,
Милая окраина моя.

ПРО ЛУНУ

Приливы, а не отливы
Надежд

вызывает луна.

И люди смотрят счастливо,

Как бодро восходит она.

То, словно сокол и кречет,

Тучу она размечет,

То крепким лучом блеснет

И по темноте полоснет.

Когда луна поднимается,

Вся улица улыбается.

Всюду луна на слуху:

Как будто ее скрывали

И вот внезапно открыли,

Как будто ее сковали,

Как будто ее отлили

Рядом,

в соседнем цеху.

Старух было много, стариков было мало:
То, что гнуло старух, стариков ломало.
Старики умирали, хватаясь за сердце,
А старухи, рванув гардеробные дверцы,
Доставали костюм выходной, суконный,
Покупали гроб дорогой, дубовый
И глядели в последний, как лежит законный
Прижимая лацкан рукой пудовой.
Постепенно образовались квартиры,
А потом из них слепились кварталы,
Где одни старухи молитвы твердили,
Боялись воров, о смерти болтали.
Они болтали о смерти, словно
Она с ними чай пила ежедневно,
Такая же тощая, как Анна Петровна,
Такая же грустная, как Марья Андревна.
Вставали рано, словно матросы,
И долго, темные, словно индусы,
Чесали гребнем редкие косы,
Катали в пальцах старые бусы.
Ложились рано, словно солдаты,
А спать не спали долго-долго,
Катая в мыслях какие-то даты,
Какие-то вехи любви и долга.

И вся их длинная,
Вся горевая,
Вся их радостная,
Вся трудовая —
Вставала в звонах ночного трамвая,
На миг
бессонницы не прерывая,

* * *

Комната кончалась не стеной,
А старинной плотной занавеской,
А за ней — пронзительный и резкий,
Словно жестяной,
Голос жил и по утрам
Требовал настойчиво газеты,
А потом негромко повторял:
— Принесли уже газеты?

Много лет, как паралич разбил,
Все здоровье — выпил.
Все как есть сожег и истребил,
Этого не выбил.
Этой страсти одолеть не смог.

Временами глухо
Слышалось, как, скорчившись в комок,
Плакала старуха.

— Больно? — спросишь.
— Что ты, — говорит. —
Засуха!
В Поволжье хлеб горит.

СЧАСТЬЕ

Л. Мартынову

Словно луг запах
В самом центре городского быта:
Человек прошел, а на зубах
Песенка забыта.
Гляньте-ка ему вослед:
Может, пьяный, а скорее нет.

Все решили вдруг:
Так поют после большой удачи, —
Скажем, выздоровел друг,
А не просто выстроилась дача.
Так поют, когда вернулся брат,
В плен попавший десять лет назад.

Так поют,
Разойдись с женою нелюбимой,
Ненавидимой, невыносимой,
И, сойдясь с любимой, так поют,
Со свиданья торопясь домой,
Думая: «Хоть час, да мой!»

Так поют,
Если с плеч твоих беда свалилась, —
Целый год с тобой пить-есть садилась,
А свалилась в пять минут.
Если эта самая беда
В дверь не постучится никогда.

Шел и пел
Человек. Совсем не торопился.
Не расхвастался и не напился!
Удержался все же, утерпел.
Просто — шел и пел.

СОБСТВЕННЫЙ ГОРОД

Зашитые в мешковину пилы
Качаются на плечах на ходу.
Идут новоселы и старожилы,
И я вместе с ними иду.
Хотите,

я покажу вам город,
Распахнутый,
словно ребячий ворот?

Хотите,
я вам объясню дома,
Беленые, словно сама зима?

С каким интересом
Бежит по откосам
Он,
бывший лесом
И ставший тесом,
А после ставший большими домами,
Растолкавшими большие леса
И перпендикулярнейшими дымами
Ввинтившимися в небеса!

Собственноручный, самодеятельный,
Где все свое —

от гвоздей до идей,
Вот он, город: добрый и деятельный,
Собственный дом советских людей.

ГЛУХОЙ

В моей квартире живет глухой —
Четыре процента слуха.
Весь шум — и хороший шум
и плохой —
Не лезет в тугое ухо.

Весь шепот мира,
весь шорох мира,
Весь плеск,
и стон,
и шелест мира —
Все то, что слышит наша квартира,
Не слышит глухой из нашей квартиры.

Но раз в неделю,
в субботний вечер,
Сосед включает радиоящик
И слушает музыку,
слушает речи,
Как будто слух у него настоящий.
Он так поворачивает регулятор,
Что шорох мира становится
громом,

Понятен и ясен хоть малым ребятам,
Как почерк вывесок,
  прям и огромен.

В двенадцать часов,
  как всегда аккуратны,
На Красной площади бьют куранты.
Потом тишина прерывается гимном.
И гимн гроыхает,
  как в маршевой роте.
Как будто нам вновь
  победить иль погибнуть
Под эти же звуки
  на Западном фронте.

...А он к приемнику привалился,
И слышно, слышно, слышно соседу
То, чего он достиг, добился, —
Трубный голос нашей победы.

Он слово ее понимает,
  слышит,
Музыку он, глухой, понимает,
И в комнате
  словно ветром колышет —
Родина
  крылья свои поднимает.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Только сдали вы паспорт
и отдали вещи вы,
Начинается новая, лучшая жизнь.
В доме отдыха люди особенно вежливы.
И не хочешь, а — нужно, старайся, держись!

Вот я лягу на койку,
Вот ноги я вытяну,
Вот соседа спрошу, не мешает ли радио.
Чистотой,
Теплотой,
Светлотой удивительной
Быт меня обстает, потрясая и радуя.

Небеса голубые над крышами вывешены.
Корпуса разноцветными красками выкрашены.
Так легко, что сдается: вопросы все вырешены
И ростки коммунизма — теперь уже выращены.

Время полдничать.
Кофе, наверное, с булочкой.

Флаг над вышкой,
в пруду отражаясь,
рябит:
Это, словно заливы
ближайшего будущего,
Корпуса дома отдыха
врезались в быт.

* * *

Я не любил стола и лампы
В квартире уютной, словно лодка,
И тишины, бесшумной лапой
Хватающей стихи за глотку.
Москва меня не отвлекала —
Мне даже нравилось,

что гулки

Ее кривые, как лекало,
Изогнутые переулки.
Мне нравилось, что слоем шума
Ее покрыло, словно шубой,
Многоголосым гамом ГУМа,
Трамваев трескотнею грубой.
Я привыкал довольно скоро
К ушам,

немного оглушенным,

К повышенному тону спора
И глоткам,

словно бы луженым.

Мне громкость нравилась и резкость —
Не ломкость слышалась, а крепость
За голосами молодыми,

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, приземистый, деревянный!
Ты шатаешься, словно пьяный,
И летишь в мировое пространство,
За фундамент держась с трудом.
Все равно ты хороший. Здравствуй,
Старый дом!

Я въезжаю в тебя, как в державу,
Крепко спящую сотый год.
Я замок твой древний и ржавый
От годов и от влажных погод
Ковыряю ключом тяжелым.

И звенит мелодично желоб
От вращения того ключа.
И распахиваются двери
И пускают меня, ворча
Про какое-то недоверье
И о преданности лепеча.

Старый дом, все твои половицы
Распевают, как райские птицы.
Все твои старожилы — сверчки

Позабыли свои шестки
И гуляют по горницам душным,
Ходят, бродят просто пешком.
Я встречался с таким непослушным,
Не признавшим меня сверчком.

Закопченный и запыленный,
Словно адским огнем опаленный,
Словно мертвой водой окропленный,
От меня своих бед не таи!
Потемнели твои картины,
Пожелтели твои гардины,
Превратились давно в седины
Золотистые кудри твои.

О ломоть предыдущего века!
Благодарствую, старый калека,
За вполне откровенный прием —
С дребезжащими, сиплыми воплями.
Я учусь убираться вовремя
На скрипучем примере твоём.

САМОСТРОИ ВСЕЛЯЕТСЯ

Бензином и соляркою
Дыша-сопя,
Вся улица вселяется
В саму себя.

Машины с производства,
Такси-грузовики
Провозят, привозят
Горшки, сундуки,
Мебель домодельную,
И туфельки модельные,
И плахты, и тахты
Излишней пестроты.

Все двери нынче настезь:
Под возгласы «Ура!»
Семейные династии
Предъявят ордера.

А холостезь с гитарой
И коечкой складной
Нехитрый скарб скидает
В углу своей одной-

Единственной, но собственной
Личной, своей.
И с теплотою родственной
Идет позвать гостей,
Идет позвать товарищей.
Куда? К себе домой.
И улица гордится
Самой собой.

Сама бараки выселила.
Снесла сама.
И строила и выстроила
Высокие дома.

* * *

Когда-нибудь Москва достроится.
Однажды башенные краны
Взлетят над крышами, и скроются,
И улетят в другие страны.

Пойдут на отопленье Арктики,
Пустыни орошать умчатся
И на преображенье Африки,
На все, что будет намечаться.

А пыль особая, строительная,
С ее круженьем сумасшедшим!
Все наше время удивительное
Вдруг станет временем прошедшим.

Я так хочу дожить до полного
Осуществленья наших планов,
До полного сверженья подлого —
Балластом с аэропланов.

И с этою надеждой вяжется,
Что настоящее мне кажется
Не временем глагольным пошлым,
А схваткой будущего с прошлым.

* * *

На двадцатом этаже живу
Не без удовольствия и выгоды:
Вижу под собою всю Москву,
Даже кой-какие пригороды.
На двадцатом этаже окно
Небом голубым застеклено,
Воздух чище, и соседи тише,
Больше благодати и светлоты,
И не смеют заводиться мыши —
Мыши не выносят высоты.
Обдирая о балкон бока,
Мимо пролетают облака.
Майский гром и буря вешняя,
Лужи блеск далекий на земле.
Мой этаж качается скворешнею
У нижестоящих

на стволе.

На полсотни метров ближе к солнцу,
На полсотни ближе к небосклону.
А луна мимо меня несется
Пропрсту на уровне балкона.
Если лифт работает исправно,
Мило жить на высоте и славно.

ПЕРЕРЫВ

На строительстве был перерыв —
Целый час на обед и на роздых.
Полземли прокопав и прорыв,
Выбегали девчата на воздух.
Покупали в киоске батон,
Разбивали арбуз непочатый.
Это полперерыва. Потом
Полчаса танцевали девчата.

Патефон захрипел и ослаб,
Дребезжа перержавленной жостью, —
И за это покрыт был прораб
Мелодической руганью женской.

Репродуктор эфир начинал
Популярнейших песен словами.
Если диктор статью начинал,
Так они под статью танцевали.
Под звонок, под свисток, под гудок —
Лишь бы ноги ритмично ходили.

А потом отошли в холодок,
Посидели, все обсудили

И,
    косынками косы накрыв,
На работу —
            по сходням
                    дощатым!

Вот как много успели девчата
За обеденный перерыв!

Хлеба — мало. Комнаты — мало.
Даже обеда с квартирой — мало.
Надо, чтоб было куда пойти,
Надо, чтоб было с кем не стесняться,
С кем на семейной карточке сняться,
Кому телеграмму отбить в пути.

Надо не мало. Надо — много.

Плохо, если живем неплохо.
Давайте будем жить блестяще.
Логика хлеба и воды,
Логика беды и еды
Все настойчивее, все чаще
Вытесняется логикой счастья.
Наша измученная земля
Заработала у вечности,
Чтоб счастье отсчитывалось
от бесконечности,
А не от абсолютного нуля.

В ЧЕРА

ГУДКИ

Я рос в тени завода
И по гудку, как весь район, вставал —
Не на работу:

я был слишком мал —
В те годы было мне четыре года.
Но справа, слева, спереди — кругом
Ходил гудок. Он прорывался в дом,
Отца будя и маму поднимая.
А я вставал
И шел искать гудок, но за домами
Не находил:
Ведь я был слишком мал.

С тех пор, и до сих пор, и навсегда
Вошло в меня: к подъему ли, к обеду
Гудят гудки — порядок, не беда,
Гудок не вовремя — приносит беды.

Не вовремя в тот день гудел гудок,
Пронзительней обычного и резче,
И в первый раз какой-то странный, вещий
Мне на сердце повеял холодок.

ПОЕЗДА

Скорые поезда, курьерские поезда.
Огненный глаз паровоза —
Падающая звезда,
Задержанная в падении,
Летящая мимо перронов,
И многих гудков гудение,
И мерный грохот вагонов.

На берегу дороги,
У самого синего рельса,
Зябко поджавши ноги,
Мальчик сидел и грелся.
Черным дымом грелся,
Белым паром мылся,
Мылся белым паром,
Стремился стать кочегаром.
Как это было недавно!
Как это все известно!

Словно в район недалгий,
Словно на поезде местном,
Еду я в эти годы —
Годы пара и дыма

И паровозов гордых
С бригадами молодыми
В белых и черных сорочках,
Белых и черных вместе.
Еду на этих строчках,
Как на подножках ездил.

ДЕРЕВЬЯ И МЫ

Я помню квартиры наши холодные
И запах беды.
И взрослых труды.
Мы все были бедные.
Не то чтоб голодные,
А просто — мало было еды.

Всего было мало.
Всего не хватало
Детям и взрослым того квартала,
Где рос я. Где по снегу в школу бежал
И в круглые ямы деревья сажал.

Мы все были бедные. Но мы не вешали
Носов,
                    мокроватых от многих простуд,
Гордо, как всадники, ходили пешие
Смотреть, как наши деревья растут.

Как тополь (по-украински — явор),
Как бук (по-украински — бук)
Растут, мужают. Становится явью
Дело наших собственных рук.

Как мы, худые,
Как мы, зеленые,
Как мы, веселые и обозленные,
Не признающие всяческой тьмы,
Они тянулись к свету, как мы.

А мы называли грядущим будущее
(Грядущий день — не завтрашний день)
И знали:

дел неслеланных груды еще
Найдутся для нас, советских людей.
А мы приучались читать газеты
С двенадцати лет,
С десяти,
С восьми
И знали:

пять шестых планеты
Капитализм,
А шестая — мы.

Капитализм в нашем детстве выгрыз
Поганую дырку, как мышь в хлебу,
А все же наш возраст рос, и вырос,
И вынес войну
На своем горбу.

ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В те годы утром я учился сам,
Но вечером преподавал историю
Для тех ее вершителей, которые
Историю вершили по утрам:
Для токарей, для слесарей, для плотников,
Встававших в полшестого, до гудка,
Для государства нашего работников,
Для деятелей стройки и станка.

Я был и тощ и невысок, а взрослые —
Все на подбор, и крупные, и рослые,
А все-таки они день ото дня
Все терпеливей слушали меня.

Работавшие день-деньской, усталые,
Они мне говорили иногда:
— Мы пожилые. Мы еще не старые.
Еще учиться не ушли года. —
Работавшие день-деньской до вечера,
Карандашей запасец очиня,
Они упорно, сумрачно, и вежливо,
И терпеливо
слушали меня.

* * *

Я учитель школы для взрослых,
Так оттуда и не уходил —
От предметов точных и грозных,
От доски, что черней чернил.

Даже если стихи слагаю,
Все равно — всегда между строк —
Я историю излагаю,
Только самый последний кусок.

Все писатели — преподаватели.
В педагогах служит поэт.
До конца мы еще не растратили
Свой учительский авторитет.

Мы не просто рифмы нанизывали —
Мы добьемся такой строки,
Чтоб за нами слова записывали
После смены ученики.

* * *

Высоко́ он голову носил,
Высоко̀-высо́ко.
Не ходил, а словно восходил,
Словно солнышко с востока.

Рядом с ним я́ — как сухая палка
Рядом с теплой и живой рукой.
Все равно — не горько и не жалко.
Хорошо! Пускай хоть он такой.

Мне казалось, дружба — это служба.
Друг мой — командирский танк.
Если он прикажет: «Делай так!» —
Я готов был делать так — послушно.

Мне казалось, дружба — это школа.
Я покуда ученик.
Я учусь не очень скоро.
Это потруднее книг.

Всякий раз, как слышу первый гром,
Вспоминаю,
Как он стукнул мне в окно: «Пойдем!»
Двадцать лет назад в начале мая.

ТОВАРИЩ

Лозунг времени «Надо так надо!»
От него я впервые слышал,
Словно красное пламя снаряда,
Надо мной он прополыхал.

Человеку иного закала,
Жизнь казалась ему лишь судьбой,
Что мотала его и толкала,
Словно тачку перед собой.

Удивленный и пораженный
Поразительной долей своей,
Он катился тачкой груженой,
Не желая сходить с путей.

Дело, дело и снова — дело.
Слово? Слово ему — тоска.
Нет, ни разу его не задела
Никакого стиха строка.

Но когда мы бродили вместе,
Он, защелкнутый, как замок,
Вдруг мурлыкал какую-то песню
Так, что слов разобрать я не мог.

СОН

Утро брезжит,
а дождик брызжет.
Я лежу на вокзале
в углу.
Я еще молодой и рыжий,
Мне легко
на твердом полу.
Еще волосы не поседели
И товарищей милых
ряды
Не стеснились, не поредели
От победы
и от беды.

Засыпаю, а это значит:
Засыпает меня, как песок,
Сон, который вчера был начат,
Но остался большой кусок.

Вот я вижу себя в каптерке,
А над ней снаряды снуют.
Гимнастерки. Да, гимнастерки!
Выдают нам. Да, выдают!

Девятнадцатый год рожденья —
Двадцать два в сорок первом году —
Принимаю без возраженья,
Как планиду и как звезду.
Выхожу, двадцатидвухлетний
И совсем некрасивый собой,
В свой решительный, и последний,
И предсказанный песней бой.

Привокзальный Ленин мне снится:
С пьедестала он сходит в тиши
И, протягивая десницу,
Пожимает мою от души.

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

И. Эренбургу

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски значит «Слава», —
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался перевозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Как же быть и что же делать, если
Нету мест на лодках и плотах?

Плыл по океану рыжий остров.
В море, в синем, остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и все. А все-таки мне жаль их,
Рыжих, не увидевших земли.

Рельсы звенят под трамваем.
Здесь погрузим продукты.
Вот к горе подплываем.
Гора печеного хлеба
Вздымала рыжие ребра,
Тянула вершину к небу,
Глядела разумно, добро,
Глядела достойно, мудро,
Как будто на все отвечала.
И хмурое, зябкое утро
Тихонько ее освещало.
К ней подъезжали танки,
К ней подходила пехота,
И погружали буханки.
Целые пароходы
Брали с собой, бывало.
Гора же не убывала
И снова высила к небу
Свои пеклеванные ребра.
Без жадности и без гнева.
Спокойно. Разумно. Добро.
Покуда солдата с тыла
Ржаная гора обстала,
В нем кровь еще не остыла,
Рука его не устала.
Не быть стране под врагами,
А быть ей доброй и вольной,
Покуда пшеница с нами,
Покуда хлеба довольно,
Пока, от себя отрывая
Последние меры хлеба,
Бабы пекут караваи
И громоздят их — до неба!

ДЕКАБРЬ 41-ГО ГОДА

Памяти М. Кульчицкого

Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны

мы написали по стиху
На смерть друг друга.

Это означало,
Что знали мы.

И вот — земля в пуху,
Морозы лужи накрепко стеклят,
Трещат, искрятся, как в печи поленья:
Настали дни проверки исполненья,
Проверки исполненья наших клятв.
Не ждите льгот, в спасение не верьте:
Стучит судьба, как молотком бочар,
И Ленин учит нас презренью к смерти,
Как прежде воле к жизни обучал.

НЕМЕЦКИЕ ПОТЕРИ

(Рассказ)

Мне не хватало широты души,
Чтоб всех жалеть.
Я экономил жалость
Для вас, бойцы,
Для вас, карандаши;
Вы, спички-палочки (так это называлось),
Я вас жалел, а немцев не жалел,
За них душой нисколько не болел.
Я радовался цифрам их потерь:
Нулям,
    раздувшимся немецкой кровью.
Работай, смерть!
Не уставай! Потей
Рабочим потом!
Бей их на здоровье!
Круши подряд!

Но как-то в январе,
А может, в феврале, в начале марта

Сорок второго,
  утром на заре
Под звуки переливчатого мата
Ко мне в блиндаж приводят «языка».
Он все сказал:
Какого он полка,
Фамилию,
Расположение сил,
И то, что Гитлер им выходит боком,
И то, что жинка у него с ребенком,
Сказал,
  хоть я его и не спросил.
Веселый, белобрысый, добродушный,
Голубоглаз, и строен, и высок,
Похожий на плакат про флот воздушный,
Стоял он от меня наискосок.

Солдаты говорят ему: «Спляши!»
И он сплясал.
Без лести.
От души.

Солдаты говорят ему: «Сыграй!»
И вынул он гармошку из кармашка
И дунул вальс про голубой Дунай:
Такая у него была замашка.

Его кормили кашей целый день
И целый год бы не жалели каши,
Да только ночью отступили наши —
Такая получилась дребедень.

Мне — что?
Детей у немцев я крестил?

От их потерь ни холодно, ни жарко!
Мне всех — не жалко!
Одного мне жалко:
Того,
    что на гармошке
                    вальс крутил.

СОЛДАТАМ 1941-ГО

«Вы сделали все, что могли».
(Из песни)

Когда отступает пехота,
Сраженья (на время отхода)
Ее арьергарды дают.
И гибнут хорошие кадры,
Зачисленные в арьергарды,
И песни при этом поют.

Мы пели: «Вы жертвою пали»,
И с детства нам в душу запали
Слова о борьбе роковой.
Какая она, роковая?
Такая она, таковая,
Что вряд ли вернешься живой.

Да, сделали все, что могли мы.
Кто мог, сколько мог и как мог.
И были мы солнцем палимы,
И шли мы по сотням дорог.
Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый — убит.
И лично Отечеству нужен,
И лично не будет забыт.

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим
        безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
                        в Кёльнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день
        на площадь
                        выводят лошадь,
Живую
        сталкивают с обрыва.

Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли
                        неравно,
Пока по конине молотим зубами, —
О бюргеры Кёльна,
                        да будет вам срамно!

Четырнадцать держав
Пошел он,
эту справку сжав,
К своей груди
прижав.
Из бдительности
ежедневно
Его подробнейше допрашивали.
Из сердобольности

душевной
Кормили кашею
трехразовую.
Он шел и шел за наступлением
И ждал без всякого волнения
Допроса,
а затем обеда,
Справку
загодя
показывая.

До самой итальянской родины
Дорога минами испорчена.
За каждый шаг
им к дому пройденный,
Сполна
солдатской кровью
плóчено.
Он шел по танковому следу,
Прикрыт броней.
Без остановки.
Шел от допроса до обеда
И от обеда до ночевки.

И чтоб французы не забыли,
Как умирали новобранцы,
Как ветеранов хоронили,
Пока по танковому следу
Они пришли в свою победу.

КРЫЛЬЯ

Солдатская гимнастерка зеленовата цветом.
В пехоте она буреет, бурее корки на хлебе.
Но если ее стирают зимою, весною и летом —
После двухсотой стирки она бела как лебедь.

Не белые лебеди плещут
Студеной метелью крыльев —
Девчонки из роты связи
Прогнали из замка графа.
Они размещают вещи.
Они все окна открыли.
Они не потерпят грязи.
Они метут из-под шкафа.

Армейских наших девчонок,
В советских школах ученых,
Не взять на графский титул.
Знакомо им это слово.
Они ненавидят графов.
Они презирают графов.
Не уважают графов,
Кроме графа Толстого.

Здесь все завоевано нами.
За все заплачено кровью.
Замки срываются с мясом.
Дубовые дверцы — настезь.
Тяжелые, словно знамя,
Одежды чудного покроя,
Шурша старинным атласом,
Надела Певцова Настя.

Дамы в парадном зале,
Мечите с портретов громы.
Золушки с боем взяли
Ваши дворцы и хоромы.
— Если в корсетах ваших
На вас мы не очень похожи,
Это совсем не важно —
Мы лучше вас и моложе!

— Скидай барахло, девчонки!
— На что мы глаза раскрыли!

И снова все в белых,
В тонких,
Раз двести стиранных
крыльях.

Замки на петельках шкафа,
Темнеют на стенках графы.
Девчонки лежат на койках,
Шелков им не жаль нисколько.

ПРИМЕР

Последняя военная весна.
Близ пункта «Эн»
при штабе партизанском
Полсотни наших: четверо в гражданском,
Разведчики, саперы, мичмана.

С утра мы смотрим, как берут село,
Как батальоны бьются в стенку лбами,
Сперва их пулеметами секло,
Потом бомбардировщики долбали.

Желанье есть. Воюют, да не так!
Умения, искусства не хватает.
И вымирает серия атак,
Шинелями все поле устилает.

Полковник, старший в группе,
словно ротный.
Побстроил нас: здесь, на краю земли.
Обучим их освобожденью Родины! .
Кто, как не мы! Пойдем!
И мы пошли.

КОГДА МЫ ПРИШЛИ В ЕВРОПУ

I

Когда мы пришли в Европу,
Нам были чудны и странны
Короткие расстоянья,
Уютные малые страны.
Державу проедешь за день!
Пешком пройдешь за неделю!
А мы привыкли к другому
И все глядели, глядели...
Не полки, а кресла в вагонах,
Не спали здесь, а сидели.
А мы привыкли к другому
И все глядели, глядели...
И вспомнить нам было странно
Таежные гулкие реки,
Похожие на океаны,
И путь из варягов в греки.
И как далеко-далёко
От Львова до Владивостока.
И мы входили в Европу,
Как море
в каналы вступает,

Плыл Октябрь
на лодках по Дунаю.
Шел в горах,
броней грохоча,
Красные знамена поднимая,
Кривду подминая и топча.

4

Над входом —
Краткое объявление:
«Народом
Данное
помещение
Для всех буржуев
Окрестных мест.
Свобода, справедливость, месть!»

Крутые яйца
Буржуи жрали,
Как на вокзале,
В транзитном зале.
В подвале тесно и — жара.
Хрустит яичная кожура!

Буржуи ждали
Прихода судей,
Решенья судеб
И в нервном зуде
Чесались, словно
Им всем невмочь.
И жрали ровно
Два дня и ночь.

Их партизаны
Не обижали,
Следили, чтобы
Не убежали.
Давали воду
И сигареты
И заставляли
Читать газеты.

А те в молчанье
Статьям внимали,
Потом в отчаянье
Руки ломали.
Все понимали
Как полагается
И снова жрали
Крутые яйца.

Потом из центра
Пришла бумажка
С политоценкой
Этой промашки:
«Буржуазию
Города Плевны
Немедля выпустить
Из плена!»

И, яйца на ходу свежую,
Рванулись по домам буржуи.

ТАНКИ

Это было время танков.
Года три. Немного больше.
Танки вышли из Берлина
И пошли сначала в Польшу.

Танки вырвались на волю,
Вышли на большую сцену,
Танки распахали поле,
Танки распахнули стены.

Три или четыре года,
Может, пять, по точной справке,
Танки делали погоду
И — пошли на переплавку.

Конница держалась дольше,
И подков державный цокот,
Замерший все в той же Польше,
В древнем мире начал цокать.

Ну, а танки продержались
Очень мало. Очень скромно.
Полторы войны сражались
И... своим же ходом — в домны.

Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.

Расту из хребта,
как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю.
И ниже меня остается крутая,
не взятая мною в бою
высота.

Здесь скалы
от имени камня стоят.
Здесь сокол
от имени неба летает.
Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.

От имени Родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!
Отсюда мне ясные дали видны—
Просторы
освобожденной страны,
Где графские земли
вручал
батракам я,
Где тюрьмы раскрыл,
где голодных кормил,
Где в скалах не сыщется
малого камня,
Которого б кровью своей не кропил.

1945 ГОД

На что похожи рельсы, взрывом скрученные,
Весь облик смерти, смутный, как гаданье.
И города,

                    большой войной измученные —
Ее тремя или пятью годами?
Не хочется уподоблять и сравнивать
Развалины, осколки и руины,
А хочется расчищать, разравнивать
И Белоруссию и Украину.
Среди иных годов многозаботных,
Словами и работами заполненных,
Год сорок пятый

  навсегда запомнился,
Как год-воскресник
Или год-субботник.
Усталые работали без усталости.
Голодные, как сытые, трудились.
И ложкою не проверяя: густо ли? —
Без ропота за пшеничный суп селились.
Из всех камней, хрустевших под ногами,
Сперва дворцы, потом дома построили,
А из осколков, певших под ногами,

ЗАСУХА

Лето сорок шестого года.
Третий месяц жара, погода.
Я в армейской больнице лежу
И на палые листья гляжу.

Листья желтые, листья палые
Ранним летом сулят беду.
По палате, словно по палубе
Я, пошатываясь, бреду.

Душно мне.
Тошно мне.
Жарко мне.
Рань, рассвет, а такая жара!
За спиною шлепанцев шарканье,
У окна вся палата с утра.

Вся палата, вся больница,
Неумыта, нага, боса,
У окна спозаранку толпится,
Молча смотрит на небеса.

Так, волнуясь и угрожая,
Мы за утренней пайкой идем.
Прошлогоднего урожая
Караван
        в руки берем.

Режем,
        гладим,
                пробуем,
                        трогаем
Черный хлеб, милый хлеб,
                                а потом
Возвращаемся той же дорогой,
Чтоб стоять
        перед тем же окном.

ПАМЯТЬ

Я носил ордена.
После — планки носил.
После — просто следы этих планок носил,
А потом гимнастерку до дыр износил
И надел заурядный пиджак.

А вдова Ковалева все помнит о *нем*,
И дорожки от слез — это память о *нем*,
Столько лет не забудет никак!

И не надо ходить. И нельзя не пойти.
Я иду. Покупаю букет по пути.

Ковалева Мария Петровна, вдова,
Говорит мне у входа слова.
Ковалевой Марии Петровне в ответ
Говорю на пороге: — Привет! —
Я сажусь, постаравшись, к портрету спиной,
Но бессменно висит надо мной
Муж Марии Петровны,
Мой друг Ковалев,
Не убитый еще, жив-здоров.
В глянцевитый стакан наливается чай.

А потом выпивается чай. Невзначай.
Я сижу за столом,
Я в глаза ей смотрю,
Я пристойно шучу и острю.
Я советы толково и веско даю —
У двух глаз,
У двух бездн на краю.
И, утешив Марию Петровну как мог,
Ухожу за порог.

БАНЯ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке?
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск,
        как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких
                                спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали
        война
                        и труд.

Там по рисунку каждой травмы
Читаю каждый вторник я
Без лести и обмана драмы
Или романы без вранья.

Вот мальчики бегут и девочки,
Опаздывают на занятия.
О, как желает счастья деточкам
Та, что не будет больше матерью!

Вот гармонисты гомон подняли,
И на скрипучих досках клуба
Танцуют эти вдовы. По́ двое.
Что, глупо, скажете? Не глупо!

Их пары птицами взвиваются,
Сияют утреннею зорькою,
И только сердце разрывается
От этого веселья горького.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я на палубу вышел, а Волга
Бушевала, как море в грозу.
Волны бились и пели. И долго
Слушал я это пенье внизу.

Звук прекрасный, звук протяженный,
Звук печальной и чистой волны:
Так поют солдатские жены
В первый год многолетней войны.

Так поют. И действительно, тут же,
Где-то рядом, как прядь у виска,
Чей-то голос тоскует и тужит,
Песню над головой расплескав.

Шел октябрь сорок первого года.
На восток увозил пароход
Столько горя и столько народа,
Столько будущих вдов и сирот.

Я не помню, что беженка пела,
Скоро голос солдатки затих.

Да и в этой ли женщине дело?
Дело в женщинах! Только — в других.

Вы, в кого был несчастно влюбленным,
Вы, кого я счастливо любил,
В дни, когда молодым и зеленым
На окраине Харькова жил!

О девчонки из нашей школы!
Я вам шлю свой сердечный привет,
Позабудьте про факт невеселый,
Что вам тридцать и более лет.

Вам еще блистать, красоваться!
Вам еще сердца потрясать!
В оккупациях, в эвакуациях
Не поблекла ваша краса!

Не померкла, нет, не поблекла!
Безвозвратно не отошла,
Под какими дождями ни мокла,
На каком бы ветру ни была!

* * *

Десять тысяч Героев Союза —
Все — при галстуках
и в пиджаках —
Сеют хлеб и растят кукурузу,
Ратоборствуют
только в цехах.
Десять тысяч! Герой к Герою!
Каждый сотый — дважды Герой!
Если ходят — только вне строя,
Если спят — подушки горой.

Устарели их грозные танки
И давно никому не грозны,
Гимнастерок зеленых останки
Много лет
как на склады сданы.

Но в народные песни и думы
Внесены их дела и дни.
И, как радий в руде,
без шума
Излучают победу они.

В ДОМЕ ОТДЫХА ПИЩЕВИКОВ

В доме отдыха пищевиков
Я живу

почти как в отчем доме:
Шашками — забавой стариков —
Забавляюсь,
сна и чтения кроме.

В первый день — мы спали целый день.
День второй — мы тоже больше спали.
Третий день -- встать нам было лень,
К завтраку мы даже не вставали.

Хорошо здесь! Очень хорошо!
Тихо здесь! Тише не бывает.
Новый шлях,
болото пробивая,
Наш лесок
сторонкой обошел.

...Вот к столу идут пищевики,
Разговаривают с пищевиками,
Хлеба сероватые куски
Трогают тяжелыми руками.

Пять минут осталось до обеда,
А к обеду очень всем нужны
Белый хлеб — веселый хлеб победы,
Черный хлеб — жестокий хлеб войны.
Все пиры, что пировал народ,
Сухари
        годин его несчастья,
Все от их безропотных щедрот,
Ко всему
        пишевики причастны.

Мир вам, люди тяжкого труда,
Мир заботам вашим
        и усильям!
Хлеб, что ваши руки замесили,
Да пребудет с вами
        навсегда!

* * *

Толпа на Театральной площади.
Вокруг столичный люд шумит.
Над ней четыре мощных лошади,
Пред ней экскурсовод стоит.

У Белорусского и Курского
Смотреть Москву за пять рублей
Их собирали на экскурсию —
Командировочных людей.

Я вижу пиджаки стандартные —
Фасон двуборт и одноборт,
Косоворотки аккуратные,
Косынки тоже первый сорт.

И старые и малолетние
Глядят на бронзу и гранит, —
То с горделивым удивлением
Россия на себя глядит.

Она копила, экономила,
Она вприглядку чай пила,

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК

Человек	5
Пшеница сушится на шоссе	6
Слава	8
Кадры — есть!	10
В сорок лет	11
«Черноватых или белобрысых...»	12
Человек с книгой	13
Преимущества старости	15
Предупреждение	16
«Надо думать, а не улыбаться...»	17
Московские негры	18
«Как лица удивительны...»	21
Газеты	22
«Я люблю стариков, начинающих снова...»	23
Гурзуф	24
«Куда стекает время...»	26
«Деление на виды и на роды...»	27
«Полоса оконного стекла...»	28

ЛИРИКИ

«Я не хочу ни капли потерять...»	31
«Чистота стиха, каждого штриха...»	32
На выставке детских рисунков	33
Пушкинская палка	35
Поэты «Правды» и «Звезды»	36
Памяти Луначарского	38
О В. И. Сурикове	40
Художник	41
«Широко известен в узких кругах...»	42
«Маска Бетховена...»	43
Скульптор	44
«Хранители архивов (и традиций)...»	45
Н. Н. Асеев за работой	46
«Умирают мои старики...»	48
«Перевожу с монгольского и с польского...»	49
«Я перевел стихи про Ильича...»	50
Назым	51
«Изобретаю аппараты...»	52
О Л. Н. Мартынове	53
«Снова стол бумагами завален...»	55
Ксения Некрасова	56
Русский язык	58
«Хорошо, когда хулят и хвалят...»	59
«Поэтический язык — не лютеранская обедня...»	60
Исходные пункты	61
«Поэт не телефонный, а телеграфный провод...»	62
Правильное отношение к традициям	63
Творческий метод	65
Советы начинающим поэтам	66
«Броненосец «Потемкин»	68
«Похожее в прозе на ерунду...»	70
Читатель отвечает за поэта	72

ОБШЕЖИТИЕ

Общежитие	75
Наши летят!	77
Физики и лирики	78
«Широкоплечие интеллигенты...»	79
Чудеса	80
Люди и боги	81
«Человек не может жить без доводов...»	82
«Города понижались от центра к окраинам...»	84
С «ТУ-104»	85
Окраина	86
Про луну	88
«Старух было много, стариков было мало...»	89
«Комната кончалась не стеной...»	91
Счастье	92
Собственный город	94
Глухой	96
В доме отдыха	98
«Я не любил стола и лампы...»	100
Старый дом	102
Самострой вселяется	104
«Когда-нибудь Москва достроится...»	106
«На двадцатом этаже живу...»	107
Перерыв	108
«Хлеба — мало. Комнаты — мало...»	110

ВЧЕРА

Гудки	113
Поезда	115
Деревья и мы	117
Школа для взрослых	119
«Я учитель школы для взрослых...»	121

«Высоко́ он голову носил...»	122
Товарищ	124
Сон	125
Лошади в океане	127
Хлеб	129
Иваны	131
Декабрь 41-го года	133
Немецкие потери	134
Солдатам 1941-го	137
Кёльнская яма	138
Итальянец	141
Крылья	145
Пример	147
Когда мы пришли в Европу	149
Танки	154
«Я говорил от имени России...»	156
Памятник	158
1945 год	161
Засуха	163
Память	166
Баня	168
«Вот вам село обыкновенное...»	170
Воспоминание	172
«Десять тысяч Героев Союза...»	174
В доме отдыха пищевиков	175
«Толпа на Театральной площади...»	177

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги.

Комсомольских и библиотечных работников просим написать о читательских конференциях, обсуждениях и другой работе, проведенной по этой книге.

Укажите ваш адрес, профессию и возраст. Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская ул., 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Слуцкий Борис Абрамович

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА

Книга стихов. М., «Молодая гвардия», 1963, 184 стр.

Редактор *Вл. Сякин*

Гравюры *Ю. Васильева*

Оформление *В. Максина*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Н. Ныркова*

Подписано к печати 3/VII 1962 г.

Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 5.75(7,87).

Уч.-изд. л. 4,7. Тираж 25 000 экз.

Заказ 1014. Цена 39 коп.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-30, Суцеская, 21.

